

**ПЕРЕВОД КНИГИ Ж.-Ф. ЛАГАРПА «ЛИКЕЙ,
ИЛИ КРУГ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ»,
ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ**

Н. Д. Кочеткова

Труды Жана Франсуа Лагарпа (1739–1803) были в центре постоянного внимания русских читателей и литераторов конца XVIII – начала XIX столетия. Г. В. Аксенова привела многочисленные факты, свидетельствующие о распространенности в России сочинений Лагарпа. Его книги, преимущественно на французском языке, были в Эрмитажной библиотеке, в библиотеках Царского села, Троице-Сергиевой лавры, Московской духовной академии, Астраханской духовной семинарии, Генерального штаба, Преображенского полка, а также во многих частных собраниях¹. “Lycée, ou Cours de la littérature ancienne et moderne” («Лицей, или Курс старой и новой словесности»), впервые опубликованный в 16 томах в 1789–1805 годах в Париже, а затем многократно переиздававшийся (с 1815 до 1830 года во Франции вышло 18 полных изданий), оказался одним из самых известных в России сочинений Лагарпа. Достаточно вспомнить, что этот труд служил учебником в Царскосельском лицее.

С 1770-х годов в русскую печать проникали разноречивые отзывы о Лагарпе. Так, еще в августе 1776 года в «Санктпетербургских ведомостях» было напечатано сообщение о заседании в Парижской Академии наук

¹ См.: Аксенова Г. В. 1) Книги Ж.-Ф. Лагарпа в России последней трети XVIII – начала XIX в. // Книга в России XVI – середины XIX в. Материалы и исследования. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 169–176; 2) Русские переводы сочинений Жана Франсуа Лагарпа // Книга. Исследования и материалы. М., 1992. Сб. 64. С. 69–79.

20 июня 1776 года, на котором Лагарпа принимали в члены Академии. Это заседание, по свидетельству одного из его участников, «было продолжительно, собрание многолюдно, усердие чрезвычайно, а удовольствие посредственно». Ж.-Ф. Мармонтель, говоря о Лагарпе, «растворил мед своих похвал едкой горечью»².

Тем не менее, литературная слава пришла к Лагарпу, и в 1790-е годы проникла в Россию не без участия Н. М. Карамзина после того, как они встречались в Париже в 1790 году. Автор «Писем русского путешественника» сообщал, что жил по соседству с Лагарпом на одной улице. «Талант, слог, вкус и критика его давно награждены всеобщим уважением», – писал Карамзин³. В повести «Моя исповедь» писатель назвал Лагарпа одним из «славнейших французских остроумцев»⁴. В связи с кончиной Лагарпа в 1803 году Н. М. Карамзин напечатал в «Вестнике Европы» несколько посвященных ему статей. В речи Л.-Ж.-П. Фонтана, переведенной Карамзиным, говорилось, что «словесность и Франция лишились великого поэта, оратора, критика»⁵. Среди его заслуг подчеркивалось, что он сохранил образцы и правила «гениев французской сцены». Вместе с тем упоминалось, что «часто вопль его неприятелей заглушал славу его успехов»⁶.

Строгий ревнитель литературных традиций и придирчивый критик, Лагарп вызывал неприятие у многих собратьев по перу, искавших новые пути. Однако его многотомный «Курс литературы», последовательно знакомящий читателя с античными и французскими теоретиками искусства и писателями и содержащий развернутый анализ многих важнейших произведений, привлекал своей основательностью и широтой представленного материала. В своих эстетических воззрениях Лагарп в значительной степени был последователем Вольтера, даже его учеником, по мнению современного английского исследователя Ч. Тодда. Как и Вольтер, автор «Лицея» ратовал за «хороший вкус»; рационализм уживался у него с интуицией, но, в отличие от Вольтера, он большее значение придавал правилам⁷. Лагарп заново учил ценить античную культуру и литературу французского классицизма.

² Санктпетербургские ведомости. 1776. 23 августа, № 68; 26 августа, № 69; 30 августа, № 70.

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 255.

⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 732.

⁵ Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 6. С. 143.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ См.: Todd Ch. Voltaire's disciple: Jean-Francois de La Harpe. London, 1972. P. 80–100.

В России к этому труду обращались на протяжении нескольких десятилетий писатели разных направлений: М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, В. Л. Пушкин, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. С. Н. Глинка, посетивший Хераскова 6 декабря 1806 года, передал интересное свидетельство о впечатлении, произведенном трудом Лагарпа на автора «Россиады»: «Писал и я трагедии, сказал Херасков, – но я ими недоволен. Не то было бы в них, если бы лет двадцать назад вышел Лагарпов Лицей. Изучаю его и теперь, да поздно; скоро для меня опустится и драматический занавес, и завеса общего нашего мира»⁸. Херасков, как и другие русские литераторы того времени, прекрасно владевшие французским языком, читал «Лицей» в оригинале. Жуковский в 1803–1804 годы переводил из него отрывки, а затем использовал в собственном «Конспекте по истории литературы и критики», над которым работал в 1805–1811 годы⁹. В 1800-е годы в отечественной периодике стали появляться переводы отрывков из труда Лагарпа.

Особый интерес «Лицей» Лагарпа вызвал у архаистов во главе с А. С. Шишковым, выпустившим в 1808 году книгу «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика». Здесь выбраны из «Лицея» раздел, в котором сравниваются древние языки с французским, и раздел, посвященный красноречию. В «Предуведомлении» переводчик прямо говорил о полемической цели своего труда: «Я нахожу оный весьма полезным, первое, потому, что сличение, какое делает Лагарп между своим французским и чужими греческим и латинским языками, покажет нам, к которому из них славенороссийский наш язык свойствами своими подходит ближе. Второе, что отсюда можем мы яснее увидеть, как много заблуждаются те из нас, которые, не вникая в силу и богатство языка своего, хотят мудрую и важную древность его превратить в пустоболтливую юность и думают, что они украшают и обогащают его, когда, отступая от истинных его источников, вводят в него чужезычные новости»¹⁰. В своих многочисленных примечаниях Шишков, ссылаясь на авторитет Лагарпа, всячески стремился развить принципы собственной языковой программы. Так, он писал: «Наш славенороссийский язык, сам древний и первородный, имеет в себе все те преимущества, которые Лагарп находит здесь в других древних языках, и ни одного или мало из тех недостатков, какие приписывает он своему языку. В книге, называемой *Рассуждение о старом и новом слоге российского*

⁸ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 202.

⁹ См.: Лебедева О. Б. Место «Лицея» Лагарпа в эстетическом образовании В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 75–96.

¹⁰ Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика. СПб., 1808. С. I–II.

языка приводил я некоторые выписки из священных писаний и сравнивал в них наш язык с французским. Тогда не читал я еще Лагарпа и потому мнения моего не подкрепил его мнением»¹¹. На перевод Шишкова и, в особенности, на его примечания скоро последовал отклик. В журнале «Цветник» появилась развернутая рецензия за подписью «-въ», принадлежавшая Д. В. Дашкову¹². Рецензент довольно сдержанно отзывался о Лагарпе: («сей строгий, даже иногда несправедливый критик», «стихотворец посредственный»), но, тем не менее, признавал, что его «замечания основаны на правилах здравого вкуса»¹³. Главным же предметом спора была языковая теория Шишкова.

Неудивительно, что вскоре в Российской академии появился замысел осуществить перевод сочинения Лагарпа. Еще в 1801 году Академия приобрела 14 томов «Лицея» по предложению президента А. А. Нартова. 6 июля 1801 года он рекомендовал этот труд и книгу Г. А. Гайара «Риторика в пользу молодых девиц...» в переводе Г. А. Глинки (СПб., 1797), «поелику книги сии могут послужить не малым пособием в трудах Академии предпринемлемых»¹⁴. Решено было переводить только первые пять томов, посвященные древней словесности. Этот замысел, очевидно, предварительно обсуждался президентом Академии А. А. Нартовым со своими коллегами и был вынесен на утверждение на заседании 29 февраля 1808 года. В «Записке» этого заседания сохранился текст выступления Нартова, полностью не вошедший в исследование М. И. Сухомлинова¹⁵. Нартов, очевидно, не без влияния Шишкова, сразу же предлагал ограничиться только античной литературой. В «Записке» так передается выступление Нартова: «Поелику в первых пяти томах сочиненного господином Лагарпом Курса словесности преподается истинное, подробное и совершенное понятие о творениях древних как греческих, так и латинских классических писателей, оставивших потомству основательные правила и почти неподражаемые примеры во всяком роде стихотворства, витийства и бытописания, то почитаю весьма нужным предложить Академии приступить к изданию сего в своем роде единственного, полезного и необходимо нужного для упражняющихся в

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Цветник. 1810. № 11. С. 256–303; № 12. С. 404–467. О Д. В. Дашкове см.: Вацуро В. Э. Дашков Д. В. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г-К. М., 1992. С. 89–90.

¹³ Цветник. 1810. № 11. С. 280–281.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 4, л. 75 об. Благодарю А. А. Костина, любезно предоставившего мне эту справку.

¹⁵ Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1888. Вып. 8. С. 233.

словесных науках творения и препоручить предложение оногo на язык российский изъявившим желание свое следующим г-м членам Академии, а именно: том 1-й – статскому советнику Петру Матвеевичу Карабанову; 2-й – статскому советнику Ивану Ивановичу Мартынову; 3-й – коллежскому советнику Петру Ивановичу Соколову; 4-й – действительному статскому советнику Александру Сергеевичу Никольскому; 5-й – надворному советнику Дмитрию Михайловичу Соколову, и также предоставить издание оногo на общее их попечение, дабы тем удобнее могло быть соблюдено в переводе сем единообразие слога и искусственных слов в помянутом сочинении употребленных. Привявшие на себя труд сей приложат попечение все те рассуждения и примечания, которые г-н Лагарп относит к языку французскому применить по возможности¹⁶ к языку российскому и, для вящего усовершенствования сей книги, они помещать будут, где только возможно, вместо французских российские примеры, заимствуя оные из лучших писателей наших. За таковой труд Академия может определить в награждение по пятисот рублей за каждый переведенный том, которые деньги выданы будут по представлении в Академию перевода всего тома»¹⁷.

Таким образом, перевод был, как говорили в то время, «союзный»: работа распределилась между четырьмя участниками, поскольку у Мартынова возник серьезный конфликт с П. И. Соколовым, который тогда был секретарем Российской академии. Первая часть, переведенная Карабановым, вышла в свет в 1810 году. В следующем, 1811 году, появилось сразу три части: вторая и третья, на которых было указано, что они переведены Петром Ивановичем Соколовым (1764–1835) и четвертая, переведенная Никольским; наконец, в 1814 году вышла последняя часть этого издания в переводе Дмитрия Михайловича Соколова (1765–1819).

В свой «Курс» Лагарп включил практически все литературные роды и жанры: и эпопею, и драматургию, и лирическую поэзию и сатиру, и ораторскую прозу, а также исторические и философские сочинения. Здесь же рассматривались и важнейшие руководства по эстетике: «Поэтика» Аристотеля и «Рассуждение о высоком» Псевдо-Лонгина, которое в то время еще приписывалось Лонгину. Таким образом, перевод, изданный Российской академией, давал возможность познакомиться и с античной теорией искусства, и с той полемикой, которая шла в европейской критике по ряду общих эстетических проблем, насущных и для отечественной словесности.

¹⁶ Слова «по возможности» вписаны сверху.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 13, л. 45–46 об.

Особенно важный материал для этого представлял первый том, переведенный Карабановым.

Участники перевода были более «архаистами», чем «новаторами», что, несомненно, сказалось в их стиле. Однако даже Карабанов, вскоре ставший, как и П. И. Соколов, членом «Беседы любителей русского слова», архаизировал свой перевод достаточно умеренно, по сравнению с переводом Шишкова. Так, например, у Шишкова читаем: «Мудролюбцы, краснословы, стихотворцы, деесписатели, рассматриватели книг»¹⁸. В переводе Карабанова этот же отрывок переведен просто, точно и понятно: «Философы, ораторы, стихотворцы, повествователи, критики»¹⁹. В отличие от Шишкова, Карабанов считал вполне возможным употребить слово «критик», и в этом отношении с ним оказался солидарен Дашков, который в упоминавшейся выше рецензии специально остановился на этом примере: «Г. переводчик вместо *критик* смело пишет : *рассматриватель книг* <...>; но слово *рассматривать* имеет у нас смысл гораздо обширнее и неопределеннее, нежели *критиковать*, что собственно значит *судить*, ценить книгу»²⁰.

Обращаясь к переводу раздела «Лицея», посвященного сравнению французского языка с другими языками, Карабанов, в соответствии с пожеланиями Нартова и отчасти следуя опыту Шишкова, ввел в текст некоторые собственные примечания. Сопоставления, которые Лагарп делает между латинским текстом Вергилия и его французским переводом Ж. Делиля, Карабанов дополняет собственными сопоставлениями с соответствующими строками из русского перевода Вергилия, осуществленного В. П. Петровым. В отличие от Шишкова, стремившегося прежде всего продемонстрировать превосходство русского языка над французским, Карабанов пытался на этом примере анализировать особенности каждого языка. Он писал: «Ни де Лилль, ни Петров не приблизились к подлиннику так, чтоб с точностию удержаны были в их переводах одни только мысли Вергилия. Каждый из них иное удержал, другое опустил, третьего не выразил, а инде и свое прибавил. Причина такого несовершенства во французском переводе ясно выведена здесь Лагарпом, а в русском, при всем знании языков и стихотворства, часто непреодолимая встречается трудность в выражении кратких слов и речений латинских длинными словами и речениями русскими, при

¹⁸ Перевод двух статей из Лагарпа... С. 55.

¹⁹ Ликей, или Круг словесности древней и новой. Сочинение И. Ф. Лагарпа. Ч. 1, переведенная [...] Петром Карабановым. СПб., 1810. С. 124.

²⁰ Цветник. 1810. № 12. С. 424.

большем числе слогов в стихах подлинника. Такая трудность, утомляющая стихотворца, заставляет его часто прибегать к излишней в переводе вольности, удаляющей от изящества <...>²¹. Карабанов приводит отрывок из «Энеиды» Вергилия на латинском языке и дает его прозаический перевод по-русски. Далее приводится подстрочный перевод французского текста Делиля и соответствующий отрывок из стихотворного перевода «Энеиды», сделанного Петровым. По поводу французского перевода Карабанов замечает: «Не ясно ли видны тут многие прибавления, перемены, повторения, растяжки и отступления? От сего самого нет в переводе де Лилля ни краткости, ни точности, а, следовательно, и великих достоинств древнего римского стихотворца». Отдавая предпочтение переводу Петрова, критик далек от его идеализации: «Петров ближе подошел к подлиннику и заслужил бы преимущество пред де Лиллем, если бы слог свой обработал чище, не вмешивая в оный вышедших уже из употребления старинных слов и речений, или, по крайней мере, иные, выразительные употребляя кстати». Главным критерием оценки перевода оказывается умение представить оригинального автора «в истинном виде». Поэтому перевод Петрова и оказывается предпочтительнее: «...Есть и тут прибавления, перемены и растяжки; однако ж в сем переводе Вергилий виден больше, нежели в переводе де Лилля»²². Так, русский переводчик выступает как образованный филолог, дополняющий размышления Лагарпа о свойствах разных языков и связанных с этим трудностях литературного перевода. При этом заслуживает внимания, что, в отличие от других участников «союзного» перевода (П. и Д. Соколовых и Никольского), сам Карабанов неизменно стремился стихотворные цитаты переводить стихами, причем сохраняя возможную точность.

Если «Введение» Лагарпа к его труду имело явно полемический характер по отношению к противникам правил, то и Карабанов в одном из своих примечаний затронул злободневную тему, привлекавшую живое внимание русских литераторов конца XVIII – начала XIX века. По поводу разъяснений Лагарпа, касающихся слов «вкус» (*goût*) и «гений» (“*génie*”), русский переводчик писал: «Слово *гений* в сем введении остается без перевода для того, что употребление оногo рассматривается во французской словесности и тем самым открываются разные его знаменования; из коих российские писатели, усмотрев одно решительное и точное, не будут уже иметь нужды писать *гений* вместо *высокий ум* или *высокий, отличный, превосходный дар*, что значит одно и то же. На что изображать мысли ино-

²¹ Ликей, или Круг словесности древней и новой. Сочинение И. Ф. Лагарпа. Ч. 1. С. 105–106.

²² Там же. С. 108–109.

странными словами в сочинениях и переводах русских, когда есть или можно придумать свои? Ежели вместо *goût* все пишут вкус; то поступим так же со словом *génie*»²³. Показательно, что слово «гений» отсутствует в «Словаре Академии российской»

Но вопреки желанию Карабанова и его единомышленников, это слово давно и прочно вошло в русский язык; самые формы варьировались: *гений, гениус, гени, жени*²⁴. Правда, сомнения в его употреблении все-таки возникали. В 1792 году в журнале «Зритель» П. А. Плавильщиков сопоставил два разных мнения по этому поводу. Заявление о том, что «у нас нет собственного слова к изъяснению *Génie*, то есть превосходного проницательного ума», оспаривалось утверждением: «имеете ум, а ищите, что значит *Génie*»²⁵.

Лагарп выступал против тех, кто «неосновательно» говорил, что «сущность гения в том и состоит, чтоб делать погрешности»²⁶, то есть отступать от правил. Аргументы французского критика могли служить хорошим оружием в литературной борьбе архаистов против писателей карамзинского круга, для которых представление о *гении* связывалось со свободой творчества.

Тем не менее, перевод труда Лагарпа не столько разъединил спорящих, сколько способствовал в известной степени их сближению. Когда осуществленный Карабановым перевод первого тома «Ликия» был послан члену Академии И. И. Дмитриеву, тот незамедлительно отвечал Нартову 30 августа 1810 года. Приведем это письмо, сохранившееся в бумагах Российской академии²⁷.

Милостивый государь мой Андрей Андреевич!

Спешу изъяснить Вашему высокопревосходительству покорнейшую благодарность мою за честь, которую благоволили мне оказать сообщением мне второго тома Академического словаря и прекрасного перевода Лагарпова Лицея.

Почтенная старость наша должна гордиться, что под бодрственным ея надзором Российская академия обогатила нашу словесность столь многими классическими переводами к чести и славе трудившихся в оных.

²³ Там же. С. I–II.

²⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Выпить – Грызть. Л., 1989. С. 104.

²⁵ Зритель. 1792. Ч. 3. С. 10, 55.

²⁶ Там же. С. IX.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 15. Л. 300.

Приимите, наконец, искренние уверения мои в совершенном почтении
и преданности, с коими навсегда имею честь быть
милостивый государь мой
Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга

Иван Дмитриев.
1810-го
Августа 30-го

Разумеется, письмо было проявлением присущей Дмитриеву учтивости. Но и много лет спустя, в 1820-е годы, в примечаниях к своим воспоминаниям стареющий поэт возмущался теми из молодых, для кого «Лагарпов Лицей – пустословие, лагарповщина». Карамзинисты, как и архаисты, прекрасно понимали значение труда, предпринятого Лагарпом и служившего своеобразной энциклопедией, путеводителем по античной литературе. Поэтому и перевод, осуществленный Российской академией, причем достаточно квалифицированно, несмотря на групповые пристрастия, был высоко и заслуженно оценен не только сторонниками Шишкова, но и его противниками.

